

www.e-rara.ch

Iz perežitago Viktora Mandel'berga =

Mandelberg, Avigdor

Davos, 1910

Universitätsbibliothek Bern

Shelf Mark: SOB 882 D : 2486: 1

Persistent Link: <https://doi.org/10.3931/e-rara-53296>

Glava VIII. V Krasnojarskě v Nojabrě 1905 g.

www.e-rara.ch

Die Plattform e-rara.ch macht die in Schweizer Bibliotheken vorhandenen Drucke online verfügbar. Das Spektrum reicht von Büchern über Karten bis zu illustrierten Materialien – von den Anfängen des Buchdrucks bis ins 20. Jahrhundert.

e-rara.ch provides online access to rare books available in Swiss libraries. The holdings extend from books and maps to illustrated material – from the beginnings of printing to the 20th century.

e-rara.ch met en ligne des reproductions numériques d'imprimés conservés dans les bibliothèques de Suisse. L'éventail va des livres aux documents iconographiques en passant par les cartes – des débuts de l'imprimerie jusqu'au 20e siècle.

e-rara.ch mette a disposizione in rete le edizioni antiche conservate nelle biblioteche svizzere. La collezione comprende libri, carte geografiche e materiale illustrato che risalgono agli inizi della tipografia fino ad arrivare al XX secolo.

Nutzungsbedingungen Dieses Digitalisat kann kostenfrei heruntergeladen werden. Die Lizenzierungsart und die Nutzungsbedingungen sind individuell zu jedem Dokument in den Titelinformationen angegeben. Für weitere Informationen siehe auch [Link]

Terms of Use This digital copy can be downloaded free of charge. The type of licensing and the terms of use are indicated in the title information for each document individually. For further information please refer to the terms of use on [Link]

Conditions d'utilisation Ce document numérique peut être téléchargé gratuitement. Son statut juridique et ses conditions d'utilisation sont précisés dans sa notice détaillée. Pour de plus amples informations, voir [Link]

Condizioni di utilizzo Questo documento può essere scaricato gratuitamente. Il tipo di licenza e le condizioni di utilizzo sono indicate nella notizia bibliografica del singolo documento. Per ulteriori informazioni vedi anche [Link]

нымъ убѣжденіемъ повторяю то, что говорилъ тогда: 17-го Октября умерло прошлое, и нѣтъ ему возврата!

И нѣтъ ему возврата, несмотря на всѣ эти ужасы, которые оно продѣлываетъ, чтобы снова вернуть свое царство...

На слѣдующій день были освобождены изъ тюрьмы всѣ арестованные.

Затѣмъ пришла амнистія.

Администрація совершенно потеряла всякое представленіе о томъ, что можно, чего нельзя.

А населеніе уже въ полномъ объемѣ начало осуществлять всѣ обѣщанныя манифестомъ свободы.

Собранія устраивались совершенно свободно, безъ всякаго разрѣшенія; ораторы пользовались на нихъ полной свободой слова. Газеты выходили, понятно, безъ цензуры и печатали все, что хотѣли.

Иркутскій С.-Д. комитетъ рѣшилъ устроить *свой* митингъ и онъ напечаталъ объ этомъ объявленіе въ газетѣ; народу пришло много и открытъ былъ митингъ «отъ имени Иркутскаго Комитета».

Объ революціонныя партіи (с.-д. и с.-р.) рѣшили выйти изъ подполья, организоваться открыто и открыто производилась запись въ члены Партіи.

И эти первые, весенніе дни нашей свободы, эти отдающіе такой наивностью, такимъ одушевленіемъ юношескіе дни свободы — они у насъ не были, какъ въ громадномъ большинствѣ городовъ Россіи, осквернены погромами, — потому что у насъ полиція совершенно бездѣйствовала.

Въ это время мы получили извѣстіе, что въ Красноярскѣ комитетъ совершенно обезлюдѣлъ; туда требовали помощи; рѣшено было, что бы туда поѣхалъ я; и въ Ноябрь мѣсяцъ я выѣхалъ въ Красноярскъ.

ГЛАВА VIII.

Въ Красноярскѣ въ Ноябрь 1905 г.

Красноярскъ я засталъ только что пережившимъ очень бурные здѣсь дни Октябрьской забастовки. Здѣсь они имѣли совершенно другой характеръ нежели въ Иркутскѣ, такъ такъ

по составу своего населенія Красноярскъ сильно отличается отъ Иркутска.

Вообще будущему теоретику революціи и народныхъ движеній наша Октябрьская забастовка можетъ дать очень богатый матеріалъ для изученія: желѣзно-дорожная и почтово-телеграфная забастовки разорвали всю необъятную Россію на цѣлый рядъ отдѣльныхъ, совершенно предоставленныхъ самимъ себѣ, центровъ, — и каждый изъ нихъ на свой особый ладъ рѣшалъ поставленную ему задачу. Забастовка пришла такъ неожиданно, къ ней такъ не были подготовлены, что, понятно, не могло быть и рѣчи о заранѣе выработанномъ планѣ; а опыта тоже никакого не было. И вотъ, въ зависимости отъ состава населенія, отъ степени сознательности руководящихъ группъ, — различныя формы и теченіе принимала какъ самая забастовка, такъ и жизнь въ тѣ первые дни «свободы», когда растерявшаяся администрація предоставила населенію полную свободу устраиваться по своему.

Красноярскъ, относительно небольшой городъ, съ населеніемъ тысячъ въ 30, но здѣсь находятся мастерскія Сибирской Ж.-Д., на которыхъ работаютъ до 5000 рабочихъ, — и, понятно, въ такомъ небольшомъ городѣ эти тысячи рабочихъ, во время забастовки должны были явиться главнымъ нервомъ движенія; — и въ дѣйствительности, они всѣмъ заправляли. А такъ какъ къ тому времени среди нихъ была многочисленная и хорошо организованная группа социаль-демократовъ (пропаганда здѣсь началась еще съ 97-го—98-го года) то черезъ нихъ всѣмъ заправлялъ Красноярскій С.-Демокр. Комитетъ!

Въ отличіе отъ Иркутска здѣсь было довольно много черносотенцевъ, сѣорганизованныхъ вокругъ своего клуба; рекрутировались черносотенцы главнымъ образомъ изъ мелкаго мѣщанства, мелкихъ торговцевъ, извозчиковъ: Они были здѣсь настолько сильны, что однажды во время дней «свободы» они осадили домъ, гдѣ происходилъ митингъ; началась паника; нѣсколько человекъ въ испугѣ выбѣжали на улицу; они тутъ же звѣрски были убиты; и дѣло могло бы кончиться такой же катастрофой, какъ въ сосѣднемъ Томскѣ, если бы не мужественное отстрѣливаніе небольшого отряда дружинниковъ изъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ.

Какъ и въ Иркутскѣ, здѣсь социаль-демократы рѣшили выйти изъ подполья и соответственно съ измѣнившимися политическими условіями широко провести въ организаціи принципъ избирательности (вплоть до комитета) и возможной гласности. Въ данный моментъ шла запись въ члены Партіи. Записалось уже около 500 человѣкъ; но нельзя сказать, чтобы записавшіеся въ Партію съ достаточной серьезностью относились къ этому акту записи; въ особенности это замѣчалось по отношенію къ учащимся; напримѣръ, записалось въ Партію болѣе половины всѣхъ ученицъ мѣстной Фельдшерской Школы; рабочіе относились къ этому много серьезнѣе.

У комитета была типографія, которая въ большомъ количествѣ выпускала нелегальную литературу; межъ прочимъ большимъ успѣхомъ среди населенія пользовался выпущенный комитетомъ сборникъ революціонныхъ пѣсенъ; его пришлось 2—3 раза отпечатать и каждый разъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ; для такого города, какъ Красноярскъ, это было очень много, — и революціонными пѣснями городъ былъ насыщенъ; постоянно онѣ распѣвались на улицахъ взрослыми и дѣтьми; ими всегда начинались и заканчивались всѣ собранія.

Были также организованныя связи съ прикащиками, телеграфистами, рабочими «винной монополіи» и другихъ профессій, съ солдатами.

Но кромѣ этой социаль-демократической организаціи въ городѣ существовала въ то время и другая *безпартийная* организація рабочихъ, которая собственно и заправляла всѣмъ — это былъ такъ называемый *Рабочій Комитетъ* изъ представителей различныхъ цеховъ и профессій.

Главную его массу составляли представители цеховъ железнодорожныхъ мастерскихъ, но были представители и другихъ рабочихъ (винной монополіи, лѣсопилки, телеграфистовъ, прикащиковъ и т. д.).

Комитетъ этотъ былъ, какъ я уже сказалъ, безпартийный, но за малымъ исключеніемъ онъ весь состоялъ изъ социаль-демократовъ и сочувствующихъ имъ, и предсѣдателемъ его былъ, входящій въ его составъ представитель Красноярскаго Соц.-Демократическаго Комитета.

Тотъ мѣсяцъ, который я прожилъ въ Красноярскѣ, никто не мѣшалъ Рабочему Комитету постепенно развиваться и крѣпнуть.

А губернаторъ? Губернаторъ старался какъ можно меньше появляться и все время держался въ тѣни по той простой причинѣ, что у него не было войскъ: находившіеся въ Красноярскѣ казачья сотня и желѣзнодорожный баталіонъ были очень ненадежны; казачья сотня разъ даже чуть не забастовала изъ-за какихъ то недоразумѣній по части провіанта, а желѣзно-дорожный баталіонъ, состоявшій изъ рабочихъ-солдатъ, былъ сплошь охваченъ социаль-демократической пропагандой. И до Красноярска въ составѣ его было много сознательныхъ рабочихъ, а за время пребыванія въ Красноярскѣ, за дни забастовки и «свободъ», — онъ почти цѣликомъ сталъ «неблагонадеженъ». Въ казармахъ открыто читали вслухъ наши прокламаціи, которыя тутъ же на глазахъ у офицеровъ раздавали наши распространители; вечерами солдаты распѣвали революціонныя пѣсни и были очень усердными и ревностными посѣтителями всѣхъ нашихъ митинговъ и собраній. Ясно, что съ этими солдатами нельзя было начать борьбу съ нами, — и потому губернаторъ намъ не мѣшалъ.

Но и мы его тоже оставляли въ покоѣ и не переходили въ нападеніе, хотя какъ разъ въ это время были много сильнѣе его и, если бы хотѣли, могли бы даже арестовать его. Почему мы этого не дѣлали?

Прежде всего потому, что знали, что это была бы побѣда на часъ.

А затѣмъ, мы не знали, зачѣмъ это намъ? что дѣлать дальше?

И что эта наша тактика обуславливалась не нашей личной нерѣшительностью или слабостью, а причинами, лежащими глубже, въ степени зрѣлости самаго освободительнаго движенія, — видно изъ того, что *вездѣ*, гдѣ только благодаря тѣмъ или другимъ случайно благопріятнымъ комбинаціямъ условій революція дѣлалась госпожей положенія, вездѣ она проявила ту-же полную неспособность къ наступленію. Такъ было въ Одессѣ съ «Потемкинымъ»; такъ было во Владивостокѣ, когда въ теченіи нѣсколькихъ дней лучший портъ, полный массы боевого

матеріала былъ въ рукахъ революціи; такъ было въ Читѣ съ ея громаднымъ арсеналомъ оружія; такъ было въ Иркутскѣ во время солдатской забастовки и т. п.

Вылившись въ формѣ того или другого взрыва, революція затѣмъ, ограничивалась обороной, защитой: она созрѣла для забастовки, для обороны, для пассивнаго сопротивленія, — она еще не была созрѣвшей для атаки, для нападенія, для творчества.

Какъ бы то ни было, не думая о захватѣ власти, арестѣ губернатора и т. п. вещахъ, мы спокойно занимались своимъ дѣломъ, стараясь наиболѣе полнымъ образомъ использовать предоставленную намъ полную свободу организаціи, агитаціи, пропаганды.

Одной изъ первыхъ мѣръ, проведенныхъ нами въ жизнь, было введеніе 8-ми часоваго рабочаго дня въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ. Такъ какъ администрація отказала намъ въ этомъ требованіи, то мы ввели его своей властью, взяли захватнымъ путемъ. Въ назначенный день въ 4 часа дня, когда истекало 8 часовъ работы, — нѣсколько рабочихъ овладѣли *гудкомъ* и дали сигналъ къ окончанію работъ. Рабочимъ этотъ способъ очень понравился и съ тѣхъ поръ вплоть до разгрома (уже послѣ моего отъѣзда) рабочій день продолжался 8 часовъ.

Мы разослали своихъ агентовъ въ ближайшія депо по линіи, съ цѣлью вызвать вездѣ такое же насильственное введеніе 8 часоваго рабочаго дня; они созывали тамъ собранія, рассказывали о значеніи 8 часоваго дня, исторіи его завоеванія, необходимости его, — и во многихъ мѣстахъ тѣмъ же захватнымъ путемъ 8 часовый рабочій день былъ введенъ.

Расцѣнки для всѣхъ почти категорій рабочихъ къ моему приѣзду были повышены и въ общемъ стояли настолько высоко, что рабочіе были довольны; только чернорабочіе и молотобойцы вели еще борьбу съ начальствомъ за повышеніе платы.

Но не только въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ замѣтно было улучшеніе матеріальнаго положенія рабочихъ, — и во всѣхъ другихъ профессіяхъ началось усиленное движеніе рабочихъ въ томъ же направленіи, а Рабочій Комитетъ всей

силой своего вліянія всегда вмѣшивался въ эту борьбу, помогая рабочимъ.

Такъ, помню, при мнѣ обратились въ Комитетъ рабочіе лѣсопилки послѣ того, какъ сами безуспѣшно вели уже нѣсколько дней забастовку. Комитетъ послалъ къ хозяину депутацію, пригрозилъ ему бойкотомъ его товаровъ (а лѣсопилка доставляла лѣсъ въ желѣзно-дорожныя мастерскія); — и хозяинъ немедленно удовлетворилъ всѣ требованія рабочихъ. Характерный фактъ: въ числѣ прочихъ, было требованіе, чтобы всѣмъ внутреннимъ распорядкомъ работъ, увольненіемъ и приѣмомъ рабочихъ завѣдывали сами рабочіе; хозяинъ согласился предоставить завѣдываніе внутреннимъ распорядкомъ, но не своимъ рабочимъ, а Соціалъ-Демократическому Комитету. «Но», прибавляетъ онъ въ своемъ отвѣтѣ, — «я увѣренъ, что комитетъ приметъ во вниманіе, что частный предприниматель не въ состояніи давать рабочимъ такія же льготы, какъ казна на желѣзной дорогѣ».

Обращались въ Рабочій Комитетъ и безработные — и онъ многихъ устраивалъ; обращались съ жалобами на хозяевъ и мастеровъ, — и онъ разсматривалъ эти жалобы. Много заботы доставила Комитету и происходившая въ то время почтово-телеграфная забастовка, которая вспыхнула какъ разъ во время моего пріѣзда. Какъ извѣстно, она возникла по поводу того, что почтово-телеграфный союзъ требовалъ своей легализаціи т. е. официальнаго признанія и за почтово-телеграфными чиновниками той свободы союзовъ, которая 17-го Октября была обѣщана всѣмъ гражданамъ. Забастовка эта страшно потрясла всю Россію; особенно сильно было ея вліяніе въ провинціи, и сугубо въ Сибири. Но правительство не обращало на это никакого вниманія и не уступало. Это была первая отрезвляющая реализація Виттевскаго манифеста о «свободѣ союзовъ».

Рабочій Комитетъ, чѣмъ могъ, поддерживалъ Красноярскихъ почтово-телеграфныхъ забастовщиковъ. Когда губернаторъ, желая запугать ихъ, пригрозилъ нападеніемъ черносотенцевъ, рабочіе предложили имъ перенести свои собранія въ мастерскія, куда черносотенцы, понятно, не осмѣлятся явиться.

Очень серьезнымъ и интереснымъ явленіемъ въ эти дни были періодически устраиваемыя *Народныя Собранія*. Устраи-

вались они довольно часто, обыкновенно по Воскресеніямъ въ Сборномъ Цехѣ, громадномъ помѣщеніи, могущемъ вмѣстить нѣсколько тысячъ народа. Устраивались они отъ имени Краснoярскаго Соціалъ-Демократическаго Комитета и предсѣдательствовалъ на нихъ всегда представитель С.-Д. комитета. Кромѣ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ на нихъ приходила масса горожанъ: прикащиковъ, рабочихъ другихъ профессій, солдатъ желѣзно-дорожнаго батальона и проѣзжающихъ эшелоновъ, учащихся.

Эти Народныя Собранія были высшей инстанціей и сюда апеллировали всѣ недовольные рѣшеніями Рабочаго Комитета. Начинались они всегда хоровымъ пѣніемъ рабочаго гимна и другихъ революціонныхъ пѣсенъ.

Затѣмъ шли рѣчи на политическія темы, излагались жалобы, просьбы, — и заканчивались Собранія опять пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ.

Бывали Собранія, посвященныя спеціальнымъ темамъ, напримѣръ, аграрному вопросу.

Но особенно интересны были не эти общегородскія, а экстренныя собранія исключительно рабочихъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, собираемая въ будни, сейчасъ же послѣ работъ, въ экстренныхъ случаяхъ.

Я помню экстренное собраніе, созданное по случаю первой попытки правительства Витте примѣнить военный судъ. По желѣзно-дорожному телеграфу (правительственный тогда бастовалъ) мы получили извѣстіе, что на станціи Кушкѣ С.-Азіатской желѣзной дороги преданы военному суду инженеръ и нѣсколько служащихъ за участіе въ желѣзно-дорожномъ Союзѣ и за свою дѣятельность во время забастовки. Намъ телеграфировали, что имъ грозитъ смертная казнь, что необходимо дѣйствовать быстро и рѣшительно, чтобы спасти обреченныхъ на смерть. Центральный Комитетъ Желѣзно-Дорожнаго Союза и собранія рабочихъ въ Москвѣ, Самарѣ и нѣкоторыхъ другихъ крупныхъ желѣзно-дорожныхъ узлахъ послали тогдашнему министру-президенту Витте и военному министру требованіе немедленно телеграфнымъ путемъ отмѣнить преданіе обвиняемыхъ военному суду; они назначили опредѣленный срокъ и заявили, что если до указаннаго часа

не послѣдуетъ требуемаго ими распоряженія, — они немедленно объявятъ желѣзно-дорожную забастовку. Копіи своихъ телеграммъ они разослали по всѣмъ желѣзно-дорожнымъ станціямъ. Мы рѣшили созвать экстренное Собраніе рабочихъ, вывѣсивъ по всѣмъ мастерскимъ полученныя нами телеграммы. Рабочихъ извѣстіе это сильно взволновало; они понимали, что это надвигается „старое“, (то, что потомъ дѣйствительно пришло); они понимали, что необходимо дать рѣзкій отпоръ; что нужно попытаться вырвать у Витте нѣсколько молодыхъ жизней: мы тогда еще не привыкли къ смертнымъ казнямъ и на насъ еще вѣяло ужасомъ отъ мысли о возможности ихъ примѣненія.

Рабочіе въ громадномъ числѣ быстро явились на собраніе; ознакомившись съ обстоятельствами дѣла, Собраніе единогласно постановило поддержать требованіе объ отмѣнѣ преданія привлеченныхъ военному суду. Мы тутъ же составили соотвѣтствующую телеграмму; послали ее Витте, а копіи разослали въ Москву и во всѣ крупные желѣзно-дорожные центры Сибири и Россіи. Мы заявили Витте, что, если къ назначенному ему сроку онъ не исполнитъ требованія, то и Красноярскъ забастуетъ.

Такъ какъ срокъ истекалъ черезъ нѣсколько часовъ, то рѣшено было не расходиться и ждать здѣсь же, въ собраніи. Собраніе продолжалось; каждые 10—15 минутъ прямо изъ телеграфа намъ приносили телеграммы, извѣщающія о ходѣ кампаніи; телеграфъ работалъ безостановочно; съ разныхъ концовъ Европ. Россіи и Сибири получали мы извѣстія, что въ настоящий моментъ вездѣ происходятъ такія же рабочія собранія и что всѣ онѣ присоединяются къ выставленному требованію.

Соединенные телеграфомъ въ одно Собраніе, — ожидали всѣ отвѣта Правительства.

Все пришло въ напряженіе. Все ждало.

И чувствовалось, какую громадную силу представляла въ то время организація.

Витте это понялъ. Онъ уступилъ. Не дождавшись истеченія ультимативнаго срока, онъ отмѣнилъ постановленіе о преданіи обвиняемыхъ военному суду.

Собраніе разошлось съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія. Намъ удалось вырвать у смерти нѣсколько человѣческихъ жизней. Съ этимъ, расходясь по домамъ, поздравляли другъ друга рабочіе, счастливые одержанной побѣдой.

И мы не знали тогда, что пройдетъ годъ, — и смертная казнь станетъ обычнымъ, ежедневнымъ явленіемъ, — и начнется мрачная эпоха безчисленныхъ смертныхъ казней, и до сихъ поръ тяжелымъ кошмаромъ нависшая надъ страной...

Помню я еще болѣе интересное экстренное Собраніе, созванное уже въ концѣ Ноября, предъ моимъ отъѣздомъ изъ Красноярска, по просьбѣ солдатъ желѣзно-дорожнаго батальона. Я выше уже говорилъ, что батальонъ сплошь былъ охваченъ революціонной пропагандой, и начальство поэтому рѣшило заняться разрѣженіемъ скопившихся въ немъ революціонныхъ силъ.

Съ этой цѣлью одна рота была отослана за 300 верстъ; солдаты поняли, что это готовится ихъ «успокоеніе», — и были, понятно, этимъ очень недовольны.

Затѣмъ, и другая рота получаетъ приказъ готовиться къ отъѣзду; а въ это время прибываетъ въ Красноярскъ штабъ (все начальство) этого полка, который солдаты уже давно ожидали и съ которымъ имѣли старые счеты.

Солдаты рѣшили воспользоваться тѣмъ обстоятельствомъ, что они еще пока хозяева положенія, — и теперь же свести всѣ свои счеты съ штабомъ. Выработавъ требованія, — они ихъ предъявили начальству. Но въ отвѣтъ на это начальство повторило свой приказъ объ отправкѣ еще одной роты на линію, — и усиленно само начало готовиться къ отъѣзду изъ Красноярска. Тогда солдаты, не желая доводить дѣло до столкновенія (въ Красноярскѣ къ тому времени уже были свѣжія войска, хотя еще мало), рѣшили обратиться за помощью къ рабочимъ и попросили комитетъ созвать Экстренное Собраніе.

Собраніе было созвано; пришли на него въ громадномъ числѣ и солдаты.

Въ высшей степени эффектное зрѣлище представляла эта масса рабочихъ, перемѣшавшаяся съ солдатами въ ихъ высокихъ мѣховыхъ папахъ и дружно предъ открытіемъ собранія поющая рабочій гимнъ.

Когда собраніе было открыто, представитель солдатъ познакомилъ насъ съ положеніемъ дѣлъ. Онъ очень толково и складно разсказалъ намъ, какъ много натерпѣлись солдаты во время войны; какъ они недѣлями спали въ грязи, въ холодѣ; какъ кормили ихъ тухлой пищей; какъ на морозѣ ходили они въ рубищахъ, въ дырявой обуви; — и какъ за счетъ всѣхъ этихъ лишеній наживался штабъ. — «Не для отечества, выходитъ, страдали мы, а для того, чтобы господа наши начальники набивали себѣ карманы!» Начальство экономило на обмундировкѣ, на пищѣ, — и никакого отчета не давало солдатамъ въ этихъ, такъ называемыхъ, *экономическихъ* суммахъ. Мало того, ихъ часто назначали въ помощь подрядчикамъ, взявшимся сдѣлать ту или другую работу, — и штабъ задерживалъ въ свою пользу часть уплачиваемаго подрядчиками; штабъ не выдавалъ имъ сполна слѣдуемыхъ имъ за работу денегъ, не выдавалъ сполна полагающагося отъ казны и т. д. Уже давно они требуютъ отъ штаба отчета и возврата неправильно удержанныхъ суммъ, но ихъ отослали въ Красноярскъ, а штабъ все время неизвѣстно гдѣ отъ нихъ скрывался; сейчасъ штабъ прибылъ въ Красноярскъ и они рѣшили добиться отъ него удовлетворенія своихъ требованій.

— «Чѣмъ же мы можемъ помочь вамъ?» спрашиваемъ мы.

— «Не выпускайте штаба изъ Красноярска!»

Собраніе единогласно постановляетъ: *штаба не выпускать.*

Въ это время слышимъ шумъ и волненіе среди солдатъ: прибѣжали съ линіи и сообщаютъ, что штабъ садится въ вагоны. Солдаты страшно взволновались и хотѣли уже бѣжать за винтовками; но мы ихъ удержали. — «Вы можете быть совершенно спокойны», — говорили мы имъ, «разъ Собраніе сдѣлало постановленіе, то ни одинъ изъ желѣзно-дорожныхъ служащихъ не осмѣлится нарушить его».

И отъ имени Собранія мы посылаемъ въ депо приказъ: локомотивовъ не давать, машинистамъ не ѣздить, а вагоны штаба перекатить на запасный путь.

Такъ и сдѣлали. Штабъ остался.

Увидѣвъ себя, какъ въ западнѣ, штабъ рѣшилъ вступить въ переговоры.

Къ намъ на Собраніе явился молодой офицеръ и попросилъ позволенія переговорить съ солдатами. Мы разрѣшили. Офицеръ занялъ на кафедрѣ мѣсто рядомъ съ председателемъ; а кафедрой служила маленькая площадка на какомъ то остовѣ машины, находившейся въ серединѣ цеха. Рабочіе пропустили солдатъ впередъ, образовавъ вокругъ громадную рамку, — и вотъ, въ присутствіи рабочихъ началась очная ставка межъ солдатами и начальствомъ.

— «Я пришелъ» — говоритъ офицеръ, «узнать ваши требованія».

— «Мы ихъ уже подавали, но можемъ повторить!» И они начали диктовать, а офицеръ записывать. Главнымъ образомъ требованія состояли въ возвратѣ задержанныхъ начальствомъ денегъ. И тутъ поразительную память обнаружили солдаты; выплывали на сцену рубли, копѣйки, взятые съ нихъ годъ, полтора тому назадъ. Затѣмъ, шло требованіе о передачѣ въ распоряженіе солдатъ «экономическихъ» суммъ, какъ собранныхъ за счетъ ихъ лишеній; требованія объ амуниціи, обуви и, наконецъ, о выпускѣ въ запасъ неправильно задерживаемыхъ.

Все это офицеръ записывалъ.

Когда солдаты кончили, — онъ попросилъ позволенія обратиться къ собранію съ рѣчью.

Получивъ разрѣшеніе, онъ заговорилъ о цѣнности человеческой жизни и необходимости кончить дѣло миромъ, не доводить до кровопролитія. Ясно было, что видя, насколько мы сильнѣе, штабъ боялся насилій съ нашей стороны.

Мы ему тутъ же отвѣтили, и указали, что не имъ, офицерамъ учить рабочихъ цѣнности жизни. Рабочіе, говорили мы, только на дняхъ рисковали всѣмъ своимъ благосостояніемъ, рисковали свободой, чтобы вырвать у смерти нѣсколько жизней; а то Правительство, представителемъ котораго онъ теперь является, тысячами уложило людей на поляхъ Манджуріи. И пусть онъ поэтому будетъ спокоенъ; ихъ жизни никакой опасности не грозитъ.

Онъ попробовалъ еще говорить, но вскорѣ отказался, заявивъ, что ораторскимъ талантомъ не обладаетъ, и ушелъ, обѣщаясь къ слѣдующему дню дать отвѣтъ.

Въ этотъ же день вечеромъ я уѣхалъ въ Иркутскъ.

Мнѣ передавали, что часть требованій была исполнена и солдаты отпустили штабъ.

ГЛАВА IX.

Солдатская забастовка въ Иркутскѣ въ Декабрѣ 1905 г.

Приѣхалъ я въ Иркутскъ въ послѣдніе дни Ноября, какъ разъ наканунѣ знаменитой въ Иркутскѣ *солдатской забастовки*. О происхожденіи ея я узналъ слѣдующее:

Мѣстные революціонные комитеты социаль-демократовъ и социалистовъ-революціонеровъ при своей работѣ среди солдатъ мѣстнаго гарнизона натолкнулись на цѣлый солдатскій заговоръ. Познакомилъ ихъ съ подробностями этого заговора одинъ унтеръ-офицеръ, пользовавшійся среди солдатъ громаднымъ вліяніемъ, который во главѣ группы сознательныхъ солдатъ велъ энергичную борьбу съ заговорщиками.

Страшно озлобленные всѣми перенесенными ими во время войны лишеніями, солдаты въ послѣднее время пришли въ особое возбужденіе по поводу того, что ихъ не отпускаютъ домой, не отправляютъ въ запасъ; начальство свое они презирали и ненавидѣли; — и вотъ, среди нихъ образовалась организация, имѣвшая довольно широкія развѣтвленія среди всего Иркутскаго гарнизона, рѣшившая по данному сигналу захватить винтовки съ патронами, перебить всѣхъ генераловъ, офицеровъ, разгромить склады, магазины, и съ оружіемъ въ рукахъ искать *правды*. Унтеръ-офицеръ обратился къ революціоннымъ организациямъ съ просьбой помочь ему направить это солдатское движеніе по руслу сознательной борьбы.

Наши агитаторы, организаторы познакомились съ заговорщиками, начали посѣщать казармы и вести пропаганду; они старались объяснить солдатамъ всю сумасбродность ихъ плана, который имъ никакой пользы не принесетъ, а только вызоветъ лишнее кровопролитіе. Вскорѣ мысль объ избіеніи офицеровъ и грабежѣ уступила мѣсто мысли о борьбѣ съ правительствомъ за осуществленіе своихъ требованій; въ выработкѣ этихъ требованій, формулированіи ихъ и помогали солдатамъ революціонеры.